Субсидиарная ответственность по долгам юридических лиц, исключенных из ЕГРЮЛ, и «брошенных» юридических лиц

Исаев Кирилл Михайлович
аспирант кафедры гражданского права, МГЮА,
Isaeeff@gmail.com

Актуальность исследования определяется ростом числа случаев недобросовестного прекращения деятельности юридических лиц, исключённых из ЕГРЮЛ, и так называемых «брошенных» компаний, что создаёт значительные риски для кредиторов, подрывает принципы корпоративного права. Цель в статье — проанализировать эволюцию института субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц (КДЛ), выявить ключевые проблемные аспекты правоприменения. В литературе и практике сохраняются противоречия — часть авторов и судов выступает за расширение возможностей кредиторов при привлечении КДЛ к ответственности, другие — за строгую дифференциацию предпринимательского риска и недобросовестных действий. Анализ законодательных изменений, включая внесение в 2016 году пункта 3.1 в статью 3 Закона об ООО, и решений Конституционного и Верховного Судов РФ показал, что практика претерпела значительную трансформацию — от формального подхода к исключению компаний к взвешенной оценке совокупности обстоятельств, в том числе, пассивное и активное поведение КДЛ. Автор приходит к выводу, что современный институт субсидиарной ответственности стал более предсказуемым и сбалансированным: кредитор обязан доказать наличие долга и обстоятельства недобросовестного поведения, а КДЛ, в свою очередь, должны предоставить убедительные пояснения и документы. Авторский вклад состоит в систематизации изменений судебной практики и законодательного регулирования. Изложенные материалы будут полезны юристам-практикам, законодателям, исследователям корпоративного права, кредиторам при анализе рисков взаимодействия с компаниями, утратившими активную хозяйственную деятельность.

Ключевые слова: долги юридических лиц, ЕГРЮЛ, контролирующие лица, перевод бизнеса, предпринимательский риск, субсидиарная ответственность

Введение

Институт юридического лица, основанный на принципе ограниченной ответственности его участников, является «фундаментом» современного экономического оборота. Однако этот принцип порождает риски, которые связаны с возможностью недобросовестного прекращения деятельности организаций, оставляющих за собой неисполненные обязательства перед кредиторами.

Проблема юридических лиц, исключенных из ЕГРЮЛ, и так называемых «брошенных» компаний (подразумеваются организации, руководители и учредители которых не сдают отчётность, имеют задолженность перед бюджетом, не предпринимают каких-либо действий по поддержанию существования фирмы) приобрела особую остроту, потребовав от законодателя и судебной практики выработки действенных механизмов защиты прав кредиторов. Одним из ключевых из них стала субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц (КДЛ), предусмотренная пунктом 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью». Статья посвящена анализу развития данного института, основных доктринальных подходов, а также процессуальных особенностей рассмотрения споров этой категории.

Материалы и методы

В современных публикациях, посвящённых раскрытию обсуждаемой темы, целесообразно выделить несколько преобладающих направлений.

Так, ряд авторов сосредоточен на анализе общих проблем правового регулирования и бремени доказывания (А.В. Бормотов, Д.В. Носов [1], А.И. Долгорукий [2], В.А. Лаптев [6]), другие акцентируют внимание на особенностях статуса «недействующих» организаций и механизмах привлечения контролирующих лиц (Р.Р. Исмагулов [3], Д.Р. Козина [5]). Особое место занимают работы, где рассматриваются отдельные основания ответственности, включая «брошенный бизнес» и «перевод бизнеса» (И.Ю. Карлявин [4]). В источниках анализируется судебная практика последних лет (С. Лебедева [7], Ю. Михальчук [8], А. Мличковский [9]), что позволяет проследить эволюцию подходов судов к перераспределению бремени доказывания, оценке добросовестности. Наконец, даётся характеристика и процессуальным аспектам, в частности, вопросам подведомственности анализируемых споров (А.А. Сухорукова [10]).

При этом в литературе сохраняются противоречия — одни авторы настаивают на расширении возможностей кредиторов при привлечении контролирующих лиц к ответственности, другие указывают на необходимость строгого разграничения предпринимательского риска и недобросовестных действий.

В ходе подготовки статьи использовались сравнительно-правовой, формально-юридический, системный, аналитический методы. При формулировке выводов применено обобщение.

Результаты и обсуждение

Ключевым изменением в законодательстве, открывшим кредиторам путь к взысканию долгов вне процедуры банкротства, стало введение в 2016 году пункта 3.1 в статью 3 Закона об ООО. Этой нормой установилось, что если неисполнение обязательств общества обусловлено недобросовестными либо неразумными действиями его

КДЛ, на них может быть возложена вторичная ответственность [2, 8, 9]. До внесения указанных изменений случаи привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности за долги исключённых из ЕГРЮЛ компаний были единичными. Такая практика носила эпизодический характер и во многом зависела от усмотрения конкретного суда. Подобное положение вещей соответствовало господствующей концепции самостоятельности юридического лица, согласно которой именно организация, а не её участники или руководители, несёт полную ответственность по своим обязательствам.

На начальном этапе формирования практики по взысканию долгов с КДЛ исключенных из реестра компаний правоприменение характеризовалось отсутствием единого подхода к определению подсудности.

Так, А.В. Бормотов, Д.В. Носов [1], А.А. Сухорукова [10] обращают внимание на то, что логика судов общей юрисдикции основывалась на том, что после ликвидации юрлица спор ведется с физическими лицами (бывшим директором, участниками) и не вытекает напрямую из предпринимательской деятельности. Характеризуемый подход нередко приводил к упрощенному пониманию оснований ответственности — сам факт исключения компании с долгами из ЕГРЮЛ мог расцениваться как достаточное доказательство недобросовестности КДЛ. Вместе с тем, арбитражные суды исходили из того, что природа спора неразрывно сопряжена с корпоративными и экономическими отношениями, а, следовательно, относится к их компетенции. В практике арбитражных судов сложился более строгий подход, требующий от истцов доказывания всей совокупности элементов гражданского правонарушения, что на практике часто приводило к отказам в удовлетворении исков [1, 10]. Таким образом, можно проследить эволюцию практики — от упрощённого подхода, при котором приравнивалось исключение из реестра к доказанному факту недобросовестности, к более взвешенной позиции арбитражных судов, требующих строгого обоснования и доказательной базы для привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности.

Описываемый юрисдикционный дуализм, который приводил к формированию двух параллельных и зачастую противоречивых практик, был устранен Верховным Судом РФ. В пункте 4 Постановления Пленума от 23 декабря 2021 года № 46 была поставлена точка в споре о подсудности — такие дела были однозначно отнесены к компетенции арбитражных судов. Благодаря разъяснению унифицировалось правоприменение и развитие практики направилось в русло углубленного экономического анализа действий контролирующих лиц.

На первом этапе в судебной практике в фокусе оказались юридические лица, исключённые из ЕГРЮЛ. Речь шла о компаниях, в отношении которых налоговый орган формально завершал существование путём внесения записи в реестр. Такие организации утрачивают правосубъектность, их обязательства прекращаются, а юридическая судьба долгов оказывалась «подвешенной». В связи с этим возникал вопрос о том, кто должен отвечать перед кредиторами, и внимание судов сосредоточивалось на возможности привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц (участников, руководителей). На следующем этапе развития практики объектом внимания стали так называемые «брошенные» юридические лица. В гражданском законодательстве они квалифицируются как фактически прекратившие деятельность (ст. 64.2 ГК РФ, п. 1 ст. 21.1 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»). Такие юрлица подлежат исключению из ЕГРЮЛ по решению регистрирующего органа. Основанием для этого служит отсутствие хозяйственной активности (если на протяжении последних 12 месяцев компания не представляла обязательную бухгалтерскую и налоговую отчетность и не проводила операций хотя бы по одному банковскому счёту). В Законе также предусматривается возможность исключения по тому же механизму и в других ситуациях (п. 5 ст. 21.1) [4, 7].

Целесообразно подчеркнуть, что судебная доктрина, в том числе, на уровне Конституционного и Верховного Судов, последовательно отвергает формальный подход. Сам по себе факт административного исключения компании из реестра не является безусловным доказательством вины контролирующих лиц и достаточным основанием для их привлечения к ответственности. Как отметил Конституционный Суд в Постановлении от 21.05.2021 № 20-П, подобное исключение может быть вызвано различными причинами, и оно не должно автоматически перечеркивать принципы ограниченной ответственности и защиты делового решения, присущие предпринимательской деятельности.

Данное постановление представляет собой важнейшую веху в развитии института субсидиарной ответственности. До его принятия судебная практика характеризовалась тенденцией к массовому и зачастую формализованному привлечению контролирующих должника лиц к ответственности — само по себе исключение организации из ЕГРЮЛ при наличии задолженности нередко рассматривалось судами как достаточное основание для возложения обязательств на её руководителей и участников. Такая правоприменительная линия фактически подрывала фундаментальные начала корпоративного права — принцип ограниченной ответственности и доктрину самостоятельности юридического лица. Однако Постановление стало поворотным моментом. Суд не только отверг возможность автоматического переноса долгов на КДЛ, но и подчеркнул необходимость учёта реальных обстоятельств дела, разнообразия причин исключения юридического лица из реестра, а также допустимости добросовестного прекращения деятельности. Тем самым был поставлен барьер практике «повального» привлечения к субсидиарной ответственности. После данного решения судебная практика начала трансформироваться в сторону выработки более чётких и взвешенных критериев: для возложения ответственности на КДЛ кредиторы должны доказать совокупность юридически значимых обстоятельств — сумму долга, факт исключения юрлица и отсутствие деятельности, контроль со стороны ответчиков (формальный или фактический), недоступность информации (уклонение, отсутствие пояснений, недостоверные сведения). В результате институт субсидиарной ответственности приобрёл более предсказуемый, сбалансированный характер, что укрепило правовую определённость и снизило риск необоснованного вмешательства в сферу предпринимательской инициативы.

Так, в деле № А20-619/2024 (Северо-Кавказский округ) Министерство пыталось взыскать долги с участников и директора общества, исключённого из ЕГРЮЛ. Суды первой и апелляционной инстанций отказали, указав на отсутствие доказательств недобросовестности КДЛ. Кассация подчеркнула, что для привлечения к субсидиарной ответственности нужно доказать противоправность, вину, причинную связь, убытки. Решение отражает современный тренд — простого факта исключения компании из реестра недостаточно. По делу А56-59242/2024 суд кассации отменил решения нижестоящих инстанций, поскольку те не подтвердили, что ООО «Вейк-Парк СПБ» является банкротом или исключенным из ЕГРЮЛ. Недостаточно просто ссылаться на прекращение деятельности — нужно доказывать вину и контроль.

Наиболее значимой процессуальной особенностью рассматриваемой категории споров является смещение

основного бремени доказывания с истца на ответчика. Так, в деле № А40-195015/2024 (Московский округ) рассматривался иск кредитора к руководителям действующей, но фактически неработающей компании. Первые инстанции отказали, ссылаясь на то, что юрлицо не исключено из реестра и не банкрот. Однако кассация отметила, что при наличии доказанного долга и фактического бездействия КДЛ возможно переложение бремени доказывания на ответчиков — если они не предоставляют документы и пояснения, суд может исходить из их недобросовестности. По делу А56-85715/2023 ВС РФ указал, что, если кредитор доказал долг, исключение юрлица, вывод активов и уклонение ответчиков от пояснений, бремя доказывания смещается на ответчиков.

Ввиду очевидного информационного неравенства (кредитор не имеет доступа к внутренней документации должника), в судебной практике выработался следующий подход:

- кредитор должен представить доказательства, с разумной степенью достоверности подтверждающие наличие долга и указывающие на обстоятельства, которые свидетельствуют о недобросовестном либо неразумном поведении КДЛ;

- в случае предоставления истцом убедительной совокупности доказательств (в том числе, косвенных), бремя опровержения этих доводов переходит на контролирующее лицо [7-9].

Именно ответчик должен, раскрыв документы и дав исчерпывающие пояснения, доказать, куда было направлено имущество компании, по каким причинам возникла невозможность погасить долги и что его действия соответствовали интересам общества и обычным условиям делового оборота. Уклонение КДЛ от представления доказательств или дачи пояснений трактуется судами не в его пользу и может стать основанием для вывода о его виновности. Показательно, что Верховный Суд РФ подтвердил возможность применения в таких спорах презумпций, используемых в делах о банкротстве, что еще больше усиливает позицию кредитора.

Следует отметить важный тренд последних лет — суды все чаще привлекают к ответственности не только за активные действия, но и за пассивное бездействие [7-9]. К примеру, участник Общества, который не интересовался делами компании, не истребовал у директора отчетность, не участвовал в собраниях, может быть признан ответственным за убытки, возникшие вследствие невыгодных сделок, заключенных таким директором.

Заключение

Таким образом, механизм субсидиарной ответственности в анализируемой области прошел значительный путь развития — от хаотичной практики в разных судебных системах до выверенного института с единой юрисдикцией, сложным стандартом доказывания.

На первоначальном этапе развития института субсидиарной ответственности привлечение КДЛ за долги исключённых из ЕГРЮЛ юридических лиц и «брошенных» компаний происходило крайне редко. В результате кредиторы зачастую оставались без возможности взыскания задолженности, а сама практика нередко порождала злоупотребления формой юридического лица, когда недобросовестные участники и руководители фактически уходили от обязательств, пользуясь принципом ограниченной ответственности.

Ситуация начала меняться после внесения в 2016 году пункта 3.1 в статью 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», закрепившего возможность возложения вторичной ответственности на КДЛ при недобросовестных или неразумных действиях. Это законодательное нововведение стало частью более широкой тенденции к закреплению норм о субсидиарной ответственности в гражданском и корпоративном законодательстве.

Вследствие внесённых изменений количество дел о привлечении КДЛ к ответственности резко возросло. Одновременно возникли проблемы, связанные с подсудностью подобных споров — суды общей юрисдикции и арбитражные суды исходили из различных подходов, что приводило к юридическому дуализму и неопределённости в правоприменении.

Прорывным моментом стало определение Конституционного Суда РФ, который подчеркнул, что формальное исключение компании из ЕГРЮЛ само по себе не является доказательством недобросовестности КДЛ. Это решение позволило выработать более точные подходы к оценке фактического поведения участников и руководителей, снизив риск автоматического перекладывания долгов на них.

После небольшого периода «турбулентности» судебная практика начала вырабатывать более строгие и детализированные критерии привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности. Особое внимание сосредоточено на так называемом «брошенном» бизнесе: компании, фактически прекратившие хозяйственную деятельность, но формально существующие в реестре, стали объектом пристального анализа судов. Теперь ответственность может быть возложена не только за активные действия, но и за пассивное бездействие, при условии подтверждения совокупности обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности контролирующих лиц.

Таким образом, характеризуемый институт превратился в сбалансированный и предсказуемый механизм защиты интересов кредиторов, сочетающий строгие критерии доказанности с учётом реальных экономических, корпоративных отношений.

Литература

1. Бормотов А.В., Носов Д.В. К вопросу о субсидиарной ответственности контролирующего должника лица по долгам исключенного из ЕГРЮЛ Общества с ограниченной ответственностью // Ex Jure. – 2023. – № 3. – С. 19-34.

2. Долгорукий А.И. Недостатки в регулировании субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника вне рамок банкротства // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 35. – С. 2099-2104.

3. Исмагулов Р.Р. Привлечение к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, исключенного из ЕГРЮЛ как недействующее юридическое лицо // Вестник арбитражной практики. – 2024. – № 4 (113). – С. 72-83.

4. Карлявин И.Ю. «Брошенный бизнес» и «перевод бизнеса» как основания привлечения лица, контролирующего деятельность должника, к субсидиарной ответственности // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2025. – № 3. – С. 59-67.

5. Козина Д.Р. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц по обязательствам юридических лиц, исключенных из ЕГРЮЛ как фактически недействующих // Современные вызовы правового регулирования экономики: исследования молодых ученых. Сборник научных статей. – Москва: 2025. – С. 261-266.

6. Лаптев В.А. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц по обязательствам исключенного из ЕГРЮЛ общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2024. – Т. 28. – № 1. – С. 163-177.

7. Лебедева С. Субсидиарная ответственность КДЛ в «брошенных» компаниях: последние тенденции судебной практики // URL: https://www.eg-online.ru/article/488300/ (дата обращения: 20.09.2025).

8. Михальчук Ю. Субсидиарная ответственность по долгам исключенной из ЕГРЮЛ компании. Как складывается судебная практика // URL: https://shortread.ru/subsidiarnaya-otvetstvennost-po-dolgam-iskljuchennoj-iz-egrjul-kompanii-kak-skladyvaetsya-sudebnaya-praktika/ (дата обращения: 20.09.2025).

9. Мличковский А. Субсидиарная ответственность при исключении общества из ЕГРЮЛ // URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/subsidiarnaya-otvetstvennost-pri-isklyuchenii-obshchestva-iz-egryul/ (дата обращения: 20.09.2025).

10. Сухорукова А.А. Вопросы подведомственности споров о привлечении к субсидиарной ответственности при исключении должника из ЕГРЮЛ // Академия права. – 2025. – № 2 (8). – С. 73-79.

Subsidiary liability for the debts of legal entities excluded from the State Register of Legal Entities and abandoned legal entities

Isaev K.M.
Moscow State Law Academy

The relevance of the study is determined by the growing number of cases of unfair termination of the activities of legal entities excluded from the Unified State Register of Legal Entities and so-called "abandoned" companies, which creates significant risks for creditors and undermines the principles of corporate law. The purpose of the article is to analyze the evolution of the institution of subsidiary liability of persons controlling the debtor (CDL), to identify key problematic aspects of law enforcement. There are still contradictions in literature and practice: some authors and courts advocate expanding the rights of creditors to hold debtors liable, while others advocate strict differentiation between business risk and unfair practices. An analysis of legislative changes, including the introduction of paragraph 3.1 in Article 3 of the Law on LLCs in 2016, and the decisions of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation, has shown that the practice has undergone significant transformation from a formal approach to the exclusion of companies to a balanced assessment of a combination of circumstances, including the passive and active behavior of the CEO. The author concludes that the modern institution of subsidiary liability has become more predictable and balanced: the creditor is required to prove the existence of the debt and the circumstances of unscrupulous behavior, while the CFL must provide convincing explanations and documents. The author's contribution lies in the systematization of changes in judicial practice and legislative regulation. The presented materials will be useful for practicing lawyers, legislators, corporate law researchers, and creditors when analyzing the risks of interacting with companies that have ceased active business operations.

Keywords: debts of legal entities, Unified State Register of Legal Entities, controlling persons, business transfer, entrepreneurial risk, subsidiary liability

References

1. Bormotov A.V., Nosov D.V. On the issue of subsidiary liability of the debtor's controlling person for the debts of a limited liability company that has been excluded from the Unified State Register of Legal Entities // Ex Jure. – 2023. – No. 3. – Pp. 19-34.
2. Dolgoruky A.I. Shortcomings in the regulation of subsidiary liability of the debtor's controlling persons outside the framework of bankruptcy // Innovations. Science. Education. – 2021. – No. 35. – Pp. 2099-2104.
3. Ismagulov R.R. Liability for the obligations of a debtor that has been removed from the Unified State Register of Legal Entities as an inactive legal entity // Bulletin of Arbitration Practice. – 2024. – No. 4 (113). – Pp. 72-83.
4. Karlyavin I.Yu. "Abandoned Business" and "Transfer of Business" as grounds for holding a person who controls the debtor's activities liable for subsidiary liability // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. – 2025. – No. 3. – Pp. 59-67.
5. Kozina D.R. Subsidiary liability of controlling persons for the obligations of legal entities excluded from the Unified State Register of Legal Entities as de facto inactive // Modern Challenges of Legal Regulation of the Economy: Research by Young Scientists. Collection of Scientific Articles. – Moscow: 2025. – Pp. 261-266.
6. Laptev V.A. Subsidiary liability of controlling persons for the obligations of a company excluded from the Unified State Register of Legal Entities // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. – 2024. – Vol. 28. – No. 1. – Pp. 163-177.
7. Lebedeva S. Subsidiary Liability of Directors in Abandoned Companies: Recent Trends in Judicial Practice // URL: https://www.eg-online.ru/article/488300/ (accessed: 20.09.2025).
8. Mikhalchuk Yu. Subsidiary Liability for the Debts of a Company Excluded from the Unified State Register of Legal Entities. How the judicial practice develops // URL: https://shortread.ru/subsidiarnaya-otvetstvennost-po-dolgam-iskljuchennoj-iz-egrjul-kompanii-kak-skladyvaetsya-sudebnaya-praktika/ (accessed: 20.09.2025).
9. Mlichkovsky A. Subsidiary Liability in the Event of the Company's Exclusion from the Unified State Register of Legal Entities // URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/subsidiarnaya-otvetstvennost-pri-isklyuchenii-obshchestva-iz-egryul/ (accessed: 20.09.2025).
10. Sukhorukova A.A. Issues of Jurisdiction in Disputes on Subsidiary Liability in the Event of the Debtor's Exclusion from the Unified State Register of Legal Entities // Academy of Law. – 2025. – No. 2 (8). – Pp. 73-79.